

Он говорит о малопригодности русла в верхнем течении Двины в его современном виде для судоходства, хорошо понимает большие технические трудности реализации данного проекта, но приводит в его пользу три существенных аргумента: 1) «данная навигационная линия сделала бы диверсию на Ригу»; 2) «расстояние по Двине от Твери до Риги почти наполовину менее, чем расстояние до того же пункта чрез С.-Петербург... Рижская гавань скорее освобождается от льда, нежели гавань Кронштадтская»; 3) «посредством же предлагаемого канала устраняются многие из сухопутных транспортов» [1, с. 111].

В этой части текста книги встречается оборот «Верхняя Двина до Баёва» [1, с. 109]. Это подтверждает предположение, что А.П. Сапунов считал нижней границей Верхнего Подвинья устье Велесы у с. Баёво.

В главе IV – «Геологический очерк берегов Западной Двины» – очень профессионально описано геологическое строение всего бассейна и отдельных участков течения Западной Двины, особенно в пределах Витебской губернии, о Верхнем Подвинье упомянуто мельком.

В главе V – «Пороги, мели, острова и камни в русле Западной Двины; очищение русла её» – Верхнему Подвинью уделяется мало внимания по причине отсутствия здесь активного практического судоходства. А.П. Сапунов пишет: «Двина считается судоходною в весеннее время от с. Дубны, верстах в 10 от оз. Охват-Жаденье; отсюда же начинаются и разного рода препятствия для судоходства. Выше и ниже этого села находятся порожики Вережунские /здесь автор ошибается: Вережунские пороги находятся примерно в 70 км ниже по течению, близ протоки из оз. Вережуни в Западную Двину. Но выше с. Дубно (ныне г. Андреаполь), после выхода реки из оз. Охват, действительно, есть небольшие безымянные порожики у д. Курово. – В.В./ . Высокие и довольно крутые берега то отступают назад, то подаются вперёд, образуя маленькие бухты, препятствующие сплаву. Далее, вёрст почти на 100 ниже, особенных препятствий для судоходства в весеннее время не встречается» [1, с. 150].

Автор отмечает также, что Вережунские порожики были известны стольнику Цызыреву, который по повелению Петра Великого в 1701 г. «учинил чертёж и описание Двины» от истока до Полоцка: «От оз. Афоты (Охват) до села Дубны по Двине мели великие, и от села Дубны вниз мели есть же. И от того села Дубны рекою Двиною в полу большую воду возможно стругами итить».

Книга А.П. Сапунова «Река Западная Двина» знаменовала собой новый этап в изучении великой реки, являющейся в течение веков и даже тысячелетий общей судьбой нескольких народов. Именно с неё начались и продолжают плодотворные исследования бассейна Западной Двины в географическом, экологическом, экономическом, историческом, лингвистическом и социокультурном отношениях.

На наш взгляд, необходимо возобновить деятельность международной комплексной программы «Западная Двина – Даугава» с участием Российской Федерации, Республики Беларусь и Латвийской Республики и сделать её научным и административным центром город Витебск.

1. Сапунов, А. П. Река Западная Двина / А. П. Сапунов. – Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1893. — 640 с.
2. Попов, А. С. Загадка Янтарной реки : Краевед. путешествие на исток Зап. Двины / А. С. Попов. – М. : Профиздат, 1989. – 252 с.
3. Станкевич, Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. / Я. В. Станкевич // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. : Наука, 1960. – № 76. – С. 7–327.
4. Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2003. – 295 с.
5. Еремеев, И. И. Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I – начале II тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. истор. наук / И. И. Еремеев. – СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН, 2002. – 22 с.

Первушкин В.И.
РОЛЬ ГУБЕРНСКИХ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ
В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Вторая четверть XIX в. в истории России являлась неким инкубационным периодом для проведения реформ, правительство проводило «починку некоторых учреждений, которые её настоятельно требовали» [1, с. 160] и настоятельно нуждалось в объективной информации о состоянии отдельных регионов. Поэтому и был осуществлен переход от эпизодического сбора региональных

сведений к систематической и целенаправленной деятельности в этом направлении. Важным инструментом в проведении данной работы были губернские статистические комитеты (ГСК).

Фактическим началом реальной организации административной статистики в России является 1834 г., когда в Министерстве внутренних дел (МВД) было образовано статистическое отделение, занимавшееся разработкой сведений, получаемых из департаментов и от губернаторов. ГСК получили юридический статус 20 декабря 1834 г. на основании «Положения о создании губернских и областных статистических комитетов», принятых ещё 3 декабря, они вошли в качестве составной части в «Высочайше утверждённые правила для статистического отделения при Совете МВД и статистических комитетов губерний» [2, с. 37–39]. В этом документе, прежде всего, определялись основные функции ГСК: «Губернский статистический комитет по собранию сведений, занимается проверкой оных и приведением в единообразный порядок, иливнося их в табели по данным от статистического отделения Совета МВД формам, или составляя на основании оных подробные и точные описания состояния губернии вообще, или же отдельно некоторых в оной части управления, хозяйства, промышленности, торговли» [3, № 7684]. Причём, согласно § 41 «Правил» губернские статистические комитеты должны были собираться не реже двух раз в месяц.

Организация сбора административных и экономических данных возлагалась на «непременных» членов вновь созданных учреждений. К ним относились: губернатор (председатель), вице-губернатор, управляющие отделениями государственного банка, дворянского и крестьянского земельного банка, управляющие государственным имуществом, директор народных училищ, почётный попечитель гимназии, прокурор, инспектор врачебной управы, управляющий удельной конторой, член духовной консистории по избранию епархиального архиерея, уездные предводители дворянства, управляющие казённой палатой.

ГСК имели также своих членов-корреспондентов из жителей губернии, которые могли обеспечить поступление информации из уездов. Так, пензенский губернатор А.А. Панчулидзе писал директору Пензенских училищ: «При открытии Пензенского статистического комитета сделано положение, чтобы членами-корреспондентами назначать штатных смотрителей училищ, которые должны были утверждены Министром внутренних дел» [4, л. 3].

Однако, открывшись практически во всех губерниях Российской империи, статкомитеты бездействовали. Причиной этому послужили загруженность её членов своими непосредственными обязанностями, отсутствие указаний о методах отбора и обработки сведений (разъяснения были даны лишь через 18 лет), не решенный вопрос о финансировании комитетов и отсутствие в провинциальной чиновничьей среде сколько-нибудь существенной прослойки образованных и подготовленных кадров для этой работы. Полное отсутствие средств ставило комитет в зависимость от отношения губернской администрации, в первую очередь, от отношения губернатора, хотя МВД и выпустило несколько постановлений, направленных на совершенствование структуры комитетов и их деятельности. В 1837 г. вышел «Общий наказ гражданским губернаторам» согласно которому губернаторы обязаны были предоставлять ежегодно в центр статистико-экономические данные по своей губернии [5, с. 152]. Циркуляр Статистического комитета от 30 декабря 1853 г. за № 190 указывал, что на содержание комитетов отпускается ежегодно одна тысяча рублей из средств губернских типографий. Введена оплачиваемая должность секретаря, обрабатывающего поступающие материалы и ведущего документацию [6, с. 85–86]. В результате осуществления этих распоряжений в течение двух десятилетий были организованы ГСК в 33 губерниях [7, отд. 2]. Но случались и парадоксы. Так, об открытии Витебского комитета в 1835 г. забыли и его открыли повторно в 1853 г. Оценивая работу ГСК более чем за двадцатилетний период можно сказать, что в большинстве губерний заседания статкомитетов проводились эпизодически, когда следовали указания из центра. Стало очевидно, что работать так дальше невозможно.

В 1860 г. МВД выпустило новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», которое в 1863 г. было утверждено Александром II, в нем уже более конкретно указаны направления деятельности ГСК. Комитеты имели двойное подчинение, с одной стороны ими руководили губернаторы, с другой – Центральный статистический комитет (ЦСК), который находился в ранге департамента МВД и действовал на основании «Положения об устройстве статистической части при Министерстве внутренних дел» от 30 апреля 1863 г. По сути, он стал основным исполнительным органом, на который возлагались сбор, обработка и издание статистических данных, предоставленных местными статкомитетами. Основное периодическое

издание ЦСК – «Статистический временник Российской империи» – рассылалось во все ГСК, т.к. по замыслу его создателей оно должно было стать настольной справочной книгой не только для чиновников, но и для всех образованных людей России. На наш взгляд, ведущую роль в деятельности комитетов все же играли губернаторы. Они в силу своих служебных обязанностей были призваны проводить в жизнь государственную программу развития провинции и должны были принимать конструктивные меры, направленные на распространение просвещения и культуры в том регионе, куда они назначались на службу. Одни губернаторы в силу своих воззрений и понимания своего места и роли в государственной системе власти и структуре местного управления ограничивались лишь четким исполнением распоряжений, поступавших сверху. Другие стремились значительно расширить рамки и границы своей созидательной активности. Прогрессивный губернатор, чаще всего новатор и инициатор по своей натуре, стремился сделать всегда значительно больше как в плане активизации социальной жизни провинциального общества, так и в плане созидания культурных ценностей. В качестве примера приведем Пензенскую губернию. При губернаторе А.А. Панчулидзево статкомитет как историко-краеведческое учреждение существовал лишь на бумаге. Пензенский краевед А.Ф. Селиванов писал: «В этом году благодаря содействию пензенского губернатора А.Н. Волкова, я мог кое-что сделать. Единственное учреждение, которое могло взять на себя изучение памятников старины в Пензенской губернии – губернский статистический комитет – не существовал в течение 18 лет, члены его не собирались, а обязанности секретаря исполнял один из помощников правителя канцелярии. Изучения губернии в историческом и этнографическом отношении не было. И лишь с 1887 г. с новым губернатором А.Н. Волковым, деятельность которого известна, как председателя Вятского статистического комитета, его работа возобновилась» [8, л. 43].

По новому «Положению» увеличивается число «непременных» членов комитета, сюда ещё стали входить: губернский или областной предводитель дворянства, инспектор удельной управы, во всех губернских и областных городах – городской голова и представитель от ведомства путей сообщения, в университетских городах – профессор статистики университета, в губерниях, где находилось большое число жителей иноверческих исповеданий – члены от духовенства тех исповеданий, а в губерниях, входящих в состав горных округов – представитель от горного ведомства» [9, л. 77–79].

В отличие от «Правил» 1834 г. по этому «Положению» стали избираться действительные и почётные члены (ст. 8–10). Они заменяли членов-корреспондентов. Как правило, действительными членами были специалисты, известные своими работами, посвящёнными губернии. Они проводили самостоятельные исследования, пользуясь отчасти материалами комитетов. В действительные члены «... должны были приглашены и избраны только лица, которые, по любви к науке, по участию в общественных интересах и по-своему образованию, могут своими трудами принести действительную пользу статистике, в деле разностороннего изучения губернии; особенно важно, в этом отношении, участие духовенства, члены которого сообщают много точных и тщательно собранных статистических данных Императорскому Русскому географическому и другим учёным обществам» [9, л. 91–91 об.].

Выборы в действительные члены комитета проходили на его заседаниях. Для этого было необходимо личное желание кандидата и рекомендация членов статкомитета. Таким путем в 1873 г. на общем годовом собрании Тамбовского губернского статистического комитета в состав его действительных членов избрали ректора духовной семинарии, протоиерея Д.И. Самбикина, инспектора гимназии В.А. Никитина и учителя истории и географии Екатерининского и Александринского институтов И.И. Дубасова. Каждый новый член комитета получал специальный диплом установленной формы.

Звание почётных членов «... равным образом, должно быть предоставлено с особенной разборчивостью только лицам, которые приобретали почётную известность своими учёными трудами, или изъявляющим готовность сделать значительное пожертвование для помощи статистическим работам по губернии» [9, л. 92]. Так, почётным членом Тамбовского губернского статкомитета был избран церемониймейстер императорского двора, известный тамбовский меценат Э.Д. Нарышкин, внесший в кассу комитета 100 рублей серебром, а в 1873 г. это звание получил Николай Максимельянович, герцог Лейхтенбергский, почётными членами были также известные тамбовские помещики Л.А. Воейков и Н.Ф. Токмаков. Почётными членами Пензен-

ского губернского статкомитета были известные российские ученые филолог Ф.И. Буслаев и историк В.О. Ключевский.

В соответствии с «Положением» поднимался статус секретаря комитета, приравнивавшегося к государственным служащим, соответственно секретарь обязан был иметь университетское образование. «Вся проверка, приведение в систематический порядок и окончательная разработка первоначальных материалов, для составления требуемых положением ведомостей и таблиц; равно как и содержание в порядке всех учёно-административных материалов комитета, входят в прямую обязанность секретаря» [9, л. 106]. Личность секретаря играла огромную роль в работе комитета. Как уже отмечалось выше, с 1865 по 1867 гг. секретарем Пензенского губернского статкомитета был Н. В. Прозин. По свидетельству одного из пензенских краеведов второй половины XIX столетия Г.П. Петерсона: «... после ухода Н.В. Прозина на целых 15 лет наш статистический комитет как бы замер в бездействии» [10, с. 33].

Таким образом, структура ГСК стала в большей степени напоминать структуру научного общества. Так, например, обширные научные связи поддерживал Пензенский губернский статистический комитет, помимо Центрального и ряда губернских статистических комитетов, он проводил активную работу с Академией наук, Политехническим музеем, Русским географическим обществом, Московским археологическим обществом, Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Казанским университетом, Казанским военным окружным штабом, а также другими научными учреждениями и обществами страны. Вся деятельность статкомитетов была разделена на «обязательные» и «необязательные занятия». «Обязательные занятия имеют целью доставления необходимых правительству по части административной статистики данных, а именно: а) почему-либо замечательных в губернии или области местностей в отношении топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и прочем и об издании трудов своих в свет. Издание этих трудов может быть производимо: печатанием соответствующих статей и описаний в статистических таблиц, установленных Центральным статистическим комитетом; б) статистических ведомостей, прилагаемых к отчётам начальников губерний и областей о состоянии вверенных им губерний; в) статистических ведомостей» [9, л. 123]. Обязательные сведения могли расширяться или изменяться только по предложениям или рекомендациям Центрального статистического комитета при МВД. Под «необязательными занятиями», которые также с этого времени были вменены комитетам в обязанность, имелось в виду «... заботиться о составлении подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно губернских ведомостей, составлением и печатанием «Памятных книжек» о губерниях и областях и об отдельных городах и, наконец, печатанием отдельных монографий или описаний губерний и областей или частей оных» [11, л. 2–2об]. Однако, издание «Памятных книжек» впоследствии становится обязательным занятием ГСК. К необязательным работам статкомитетов стало относиться выполнение разовых работ по просьбе какого-либо учреждения или общества. Так, например, в 1896 г. по просьбе управляющего Пензенским отделением государственного дворянского земельного банка Пензенским ГСК были собраны сведения о количестве земельных угодий: надельных и арендованных, а по запросу санитарного отделения губернской земской управы были собраны сведения о количестве детей в возрасте от 8 до 14 лет. Кроме того, в 1902 г. комитетом были собраны уникальные сведения о нерусском населении Пензенской губернии, с указанием в каких селениях они проживают. При этом описывалась их народная одежда, давались сведения о курганах, могильниках, валах и других памятниках старины.

Таким образом, статкомитеты были не только наделены правами ведения самой широкой исследовательской работы в рамках своей губернии (тематика могла быть самая многообразная), но становились значительными издательскими центрами преимущественно работ своих членов. Действуя на основании «Положения» ГСК реально могли превратиться, и нередко превращались, в местные учёные общества с некоторыми административными правами и обязанностями. В этой роли статкомитеты рассматривались на Первом археологическом съезде в 1869 г. в Москве. В частности, там поднимался вопрос об участии ГСК в археологических исследованиях. На съезде говорилось «... статистические комитеты, как единственные ученые учреждения, существующие в каждом губернском городе..., которым более или менее известны местные памятники старины, должны быть деятельными пособниками специальных археологических учреждений» [12, с. 509]. Его участники

высказались за привлечение губернских статистических комитетов к составлению региональных археологических карт [12, с. 511]. Предлагалось создать при них специальные историко-археологические комиссии, музеи, библиотеки. Саратовский ГСК был одним из первых, откликнувшихся на рекомендации этого съезда. При нём существовал археологический музей, состоявший «... из 20 названий и в 90 экземплярах, из вещей более выдающихся: череп лося, кольчуги, зуб мамонта, верхний щит, черепки, старинный меч и старинные монеты» [13, с. 5].

В 1880 г. Саратовским губстаткомитетом была разработана специальная программа по исследованию отдельных районов губернии, для осуществления которой были привлечены учащиеся Мариинского земледельческого училища, собиравшие историко-этнографические данные о своих родных селах [14].

Как мы видим, при благоприятных условиях ГСК становились центрами, около которых группировалась местная интеллигенция в силу того, что комитеты давали самые широкие права личной исследовательской инициативе. Это обстоятельство способствовало тому, что в 1860-е годы в члены Пензенского ГСК были избраны известные пензенские краеведы В.Х. Хохряков и Н.В. Прозин. Несколько иная картина складывалась в Тамбовском статкомитете. В 1861 г. из краеведов в действительные члены выбирают лишь П.И. Пискарева, а в 1873 г. церковного краеведа протоиерея Д.И. Самбикина и известного тамбовского краеведа И.И. Дубасова [15, с. 47–48], которые в рамках комитета смогли подготовить почву для создания в 1884 г. Тамбовской губернской учёной архивной комиссии.

Подводя итог, необходимо отметить – формирование правовой и организационной базы губернских статкомитетов прошло долгий и трудный путь, на котором были и промахи и удачи. Однако правительству удалось наладить деятельность этих учреждений, более того, до 1880-х годов ГСК были единственными учреждениями в России вокруг которых формировалась провинциальная интеллигенция. В губерниях, где отсутствовали университеты, эти учреждения заложили основы научной работы и целенаправленных краеведческих исследований.

1. Корнилов, А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. – М. : Эксмо-Пресс, 1993. 618 с.
2. Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). – СПб., 1835. – Вып. 3.
3. Полный собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. – СПб., 1835. – Т. IX.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 81. Оп. 1. Д. 77.
5. Янсон, Ю. Э. Теория статистики / Ю. Э. Янсон. – СПб : Тип. Л.М. Гольденберг, 1913. – 594 с.
6. Комарова, И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов / И. И. Комарова // Археографический ежегодник за 1986 год. – М., 1987.
7. Настоящее устройство местных административно-статистических учреждений в России // Журнал МВД. – СПб., 1861. – Ч. 60. – Кн. 2.
8. ГАПО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 605.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310.
10. Петерсон, Г. П. К истории учреждения в г. Пензе ученой архивной комиссии / Г.П. Петерсон // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. – Пенза, 1903. – Вып. 1.
11. ГАПО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 127.
12. Труды Первого археологического съезда в Москве. – М., 1871. – Т. 1.
13. Отчет о деятельности и занятиях Саратовского губстаткомитета в 1882 году. – Саратов, 1883.
14. См., например: Поляков, П. Село Боцманово / П. Поляков //Саратовские губернские ведомости. –1881. – № 1.
15. Аленова, В. А. История Тамбовского краеведения (XIX – 30-е годы XX в.) / В. А. Аленова, Ю. А. Мизис. – Тамбов : ТГУ, 2002. – 438 с.

Петрова О.С.
ВИТЕБСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
В ОТРАЖЕНИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ (1869–1914 ГГ.)

Вторая половина XIX в. была временем повсеместного образования исторических, археологических, краеведческих и историко-культурных обществ и учреждений, как в столичных городах, так и в провинции Российской империи. Это обусловило многогранность и полифоничность научно-исторического сообщества, в которое входили как представители университетской школы – историки-профессионалы, так и провинциальная интеллигенция, краеведы